

Здесь перечислены предтечи «мифа крови» (упомянутого чуть выше), причём указано его иранское происхождение. Интересно, как автор «жил мощью» этого мифа? Не пробовал ли он, например, зороастрийское средство от всех грехов — омовенье коровьей мочой (Видевдат 3:6; 8:36—38, 98, 103)? Не пытался ли поощрять кровнородственные браки (Видевдат 8:13)?

1.7. Фундаментальный аристократизм

1.7.1. Аристократический характер заявленных ценностей

Если соляренный миф — сравнительно случайный довесок в нарисованной картине, то основные ценности автора — честь и долг, чистое происхождение, культ мужских (воинских) доблестей — явно восходят к одному источнику. Это — этос благородного сословия, этос рыцарства и дворянства.

Для автора «демократия» равносильна «смешению рас» (Rosenberg 1934: 57 и др.). Идеал — власть, принадлежащая наследственной элите, ревниво берегущей свою чистоту. Эта элита отличается от управляемых по происхождению и способна удержаться на должной высоте лишь до тех пор, пока сохраняет свою замкнутость и дистанцию по отношению к подвластному населению.

В этом, однако, Розенберг не оригинален. Более чем за двести лет до него граф Анри де Буленвилье подвёл теоретическую базу под родовые амбиции французского дворянства. Его теория известна в медиевистике как теория «цезуры» — разрыва культурной традиции между древностью и средневековьем. По мнению графа, франки — то есть все жители пространства между Рейном и Везером (сикамбры, хамавы, бруктеры и т. д.) изначально отличались воинственностью и были «крайне плодovitы», что вкуче с суровыми природными условиями привело к перенаселению края. Это, а также постоянная угроза от племён, вторгавшихся «из глубин Сарматии», вело к выделению дружин молодёжи, неспособной найти себе место на родине, и искавшей счастья на стороне (Boulainvilliers 1727: 1—3). Этот процесс описан всеми историками германцев со времён Тацита. Но отсюда граф делает вывод: французские дворяне — потомки завоевателей-германцев, а простонародье — покорённых галло-римлян. Стало быть, власть знати основана на праве завоевания — принципе, выше которого даже римское право ничего не сумело поставить. И межсословная борьба во Франции, по Буленвилье, сводится к межнациональной. Когда через сто лет Европа познакомилась с индийской литературой и узнала из «*Маха-бхараты*» о завоевании Индии арьями, это обогатило теорию Буленвилье лишь самим термином «арийцы» да идеей, что его выводы о расе господ относятся не только к Франции, но и ко всем странам мира.

В середине XIX века граф Жозеф-Артюр де Гобино своим сочинением «*Опыт о неравенстве человеческих рас*» (1853—1855) создал расизм как целостную теорию. Однако к теории граф Буленвилье не в меру честолюбивый граф Гобино, ставший за свою жизнь свидетелем трёх революций, двух республиканских режимов и империи «Наполеона Малого», смог добавить лишь своё мрачное отчаяние, парад новых примеров и несомненный литературный дар. Основная ценность для него, как не раз отмечалось, — не расизм, а элитизм, и в случае конфликта между этими принципами Гобино жертвует первым ради второго (Гофман 1977: 138). Арийская

(германская) раса у него — не этнические немцы, которых он как раз считал самым смешанным из всех европейских народов, а *аристократия* всех европейских стран, прежде всего Франции. Больше того, белой расе он отводит ведущую роль в создании всех десяти выделенных им цивилизаций. От Джамбаттиста Вико Гобино воспринял идею исторического циклизма, ведущую дальше к Данилевскому и Шпенглеру. Он тоже перечисляет десять цивилизаций, проходящих одни и те же фазы развития — точнее, регресса, как представлял себе это ещё Платон в *«Государстве»*. Регресс этот вызван утратой правящей расой своей чистоты, а значит, и высоких духовных качеств, её растворением в этнической мешанине. Подобно Шпенглеру (но за 60 лет до него), Гобино решительно выступал против европоцентризма и колониализма (ведущего, как он полагал, к окончательному расовому смешению), высоко ценил достижения азиатских культур и, в отличие от большинства других расистов, не был антисемитом (Гофман 1977; Клейн 2004).

Научная бесплодность расизма видна уже из того, что со времён Гобино в нём не появилось ни одной новой идеи. Даже циклизм развивался дальше в рамках других теорий: Шпенглер обходился без расистских идей во всём первом — наиболее значительном — томе *«Заката Европы»*, Тойнби и Ясперс — всю жизнь. С другой стороны, идеологический антисемитизм, ставший почти неотъемлемой чертой позднейших расовых теорий, возник в Германии ещё в 1830-х годах: ни Х.С. Чемберлен, ни тем более Розенберг его не выдумали сами, а лишь использовали готовым, чтобы заменить аморфную «массу» Гобино организованной «противорасой», о которой дальше особый разговор.

При этом граф *де* Буленвилье и граф *де* Гобино хотя бы сами принадлежали к той аристократии, которую защищали, и могли продемонстрировать не только родовые грамоты, но и личные достоинства — например, писательский талант (Гобино был не только философом, но и автором новелл и романов). Однако нацистские лидеры как раз были безродным сбродом. Так, специальный Институт генеалогии проверял происхождение любого кандидата в СС на «чистоту крови», но в происхождении самого Гитлера и некоторых других вождей копать было запрещено — явно могли выявиться неприятные для них факты. Розенберг, как уже говорилось, вообще не был немцем, а по матери — даже и индоевропейцем («арийцем»). У Бориса Ефимова была карикатура: «Истинный ариец должен быть высок, строен, белокур...» — и под этой надписью стоят (в порядке перечисления признаков): тщедушный, уродливо нескладный Геббельс (которого Аденауэр называл «гибридом Крошки Цахеса и Маленького Мука»²⁴), чудовищно ожиревший наркоман Геринг (в самой Германии его, «рейхсмаршала авиации», прозвали «летающим боровом»), Гитлер со своей чёрной чёлкой... Умственный и нравственный облик «вождей» тоже ни для кого не был особым секретом: «Один бегаёт за мальчиками, другой за шприцем с морфием, третий не может бежать, будучи косолапым», — писал о той же троице О. Шпенглер (Свасьян 1993: 113). И в другом письме: «Они говорят о расе и, вместо того чтобы взглянуть на себя в зеркало, тычут пальцем в фотографию Бамбергского всадника» (там же).

Отсюда вытекала проблема, в рамках расизма неразрешимая: упадок старой знати всем заметен и уже не требует доказательств, а претенденты на роль новых

²⁴ Выражаю благодарность студенту Высшей антропологической школы (г. Кишинёв) А. Макухи-ну за эту информацию.

аристократов не подходят ни по каким критериям, включая даже происхождение. А такого упрёка не допускает как раз *их собственная* теория «крови и почвы». Быть *новой* расой они тоже не могут, поскольку сами заявили об обратном. Кто же, собственно, — если не считать некоего отвлечённого теоретического принципа, — должен править?

Нацистские *биологи* больше всего сил уделили евгенике — улучшению человеческой породы. Однако даже в самом оптимистичном варианте расизма речь могла идти не о создании совершенно нового человека, а лишь о восстановлении той породы, которая была когда-то, очищенной как от вредных мутаций, так и от последствий межрасовых скрещиваний. А этого было явно мало.

Поэтому нацистские *мистики* всё время пытались разыскать неких сверхлюдей — от мудрецов Шамбалы до космических пришельцев, — которые и должны были править: среди людей кандидатов на эту роль не могло быть по определению. Согласно некоторым мемуаристам (Г. Раушнинг, А. Дельмас), Гитлер пытался спиритически общаться с этими сверхлюдьми, хотя потом рассказывал о таких сеансах с ужасом (Повель, Бержье 1994: 253—254). Были ли этот «сверхчеловек» действительно представителем или проявлением чего-то, пока не попавшего в поле зрения науки, был ли он искусным трюком (который мог разыгрывать, например, Хаусхофер) или чистым плодом шизофренического бреда самого Гитлера, в данном случае неважно. Важно другое: «вождь» и «человек твёрдой руки» ходил к своим «потусторонним хозяевам», как нашкодивший мальчишка-практикант — на ковёр к шефу. Так выглядел на деле арийский аристократизм, такое будущее должно было ожидать даже тех, кто принимал себя за «расу господ».

I.7.2. «Сущность нового учения о культуре»

Можно было бы успокоиться на мысли: всё это худо, пока ценности считаются врождёнными и наследственно закреплёнными. Если же связать их с культурой, передающейся не через наследственность, — такой теории не грозит опасность превратиться в нацистскую. Однако Розенберг не оставляет нам этой возможности. На четырёх страницах излагает от свой взгляд на культуру (Rosenberg 1934: 115—118).

Здесь явно заметны идеи О. Шпенглера о «культурной душе» — правда, без ссылки на источник (к 1934 году Шпенглер уже впал в немилость за отказ принять высокий пост и публичные насмешки над нацистским антисемитизмом, и его имя запрещено было упоминать в печати). Когда Розенберг называет всё это «новым» учением о культуре, — конечно, это ложь: ещё до О. Шпенглера оно было выдвинуто Н. Я. Данилевским, опиравшимся на идеи ранних славянофилов.

Но при этом Шпенглер, по крайней мере, знает свой предмет и рассуждает о нём с тонким вкусом ценителя. Порой он сравнивает несравнимое, порой с его оценками можно и нужно спорить, однако он осведомлён в том, о чём пишет, и способен на глубокий, хотя и пристрастный, анализ поэзии Шекспира и Гёте или живописи Рафаэля. Розенберг же производит впечатление человека, знающего только имена этих творцов, да и то с недавних пор. О Копернике и Августине Блаженном (Rosenberg 1934: 121) из его текста ясно лишь одно: первый — «наш человек», второй — «не наш». Остальное неважно. О сущности учения Коперника автор даже не упоминает.